

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ВКЛАД В ТЕОРИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА *

К 125-летию со дня рождения Александра Кулишера

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ, МАРК ТОЛЫЦ

Живший во Франции русский эмигрант, бывший приват-доцент Петроградского университета Александр Кулишер (1890-1942) был одним из первопроходцев теории демографического перехода, однако его вклад в развитие этой теории остался почти незамеченным и явно недооцененным. В статье излагается научная биография А.М. Кулишера и анализируются его взгляды на демографический переход (демографическую революцию), нашедшие отражение в публикациях А.М. Кулишера первой половины 1930-х годов на немецком и французском языках. В приложении к настоящей статье приводятся (на языке оригинала и в русском переводе) две забытые публикации А.М. Кулишера, в которых отражено его видение демографического перехода.

Ключевые слова: история демографии, демографический переход, демографическая революция, рождаемость, смертность, миграция, Александр Михайлович Кулишер.

1

По замечанию британского историка и демографа Саймона Шретера, теория демографического перехода родилась дважды [Szreter 1993: 661]: в первые десятилетия XX века и в 1940-е годы. Если это замечание верно, то наша статья касается первого рождения теории, потому что главный герой этой статьи, к сожалению, не пережил 1940-е годы.

Существует каноническая история раннего периода жизни теории демографического перехода, которая связывает ее происхождение прежде всего с двумя именами: Адольфа Ландри и Уоррена Томпсона.

В самом деле, Ландри еще в статье 1909 г. [Landry 1909] обратил внимание на появление «нового демографического режима», который требует и новой теории населения, но, как он писал тогда, «эта новая теория населения, по правде говоря, еще не вполне сложилась, пока она еще только складывается» [Landry 1982: 183]. Теория демографического перехода и стала этой «новой теорией», которая тогда только смутно просматривалась в упоминании «нового демографического режима», но получила впоследствии заметное развитие в книге Ландри «Демографическая революция», вышедшей в 1934 г. [Landry 1934], а в более сжатом виде – в одноименной статье годом ранее [Landry 1933].

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВИШНЕВСКИЙ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ).
E-mail: avishnevsky@hse.ru

МАРК ТОЛЫЦ. ИЕРУСАЛИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ИЗРАИЛЬ).
E-mail: mark.tolts@mail.huji.ac.il.

Статья поступила в редакцию в октябре 2015 г.

* В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 – 2015 годах

Что касается Уоррена Томпсона, то его первый кирпич в здание будущей теории был заложен в статье 1929 г. [Thompson 1929], в которой он выделил три группы стран, различавшихся в то время соотношением рождаемости и смертности и, соответственно, естественным приростом населения, и так же, как и Ландри, предположил, что по мере индустриализации все страны будут дрейфовать в направлении группы с низкими уровнями смертности и рождаемости.

Иногда круг первопроходцев теории предлагают расширить. Например, тот же Шретер предлагает включить в их число Луйо Brentано, Александра-Морриса Карр-Саундерса, Томаса Генри Крейга Стивенсона и Леона Рабиновича [Szreter 1993: 694]. В нашу задачу не входит обсуждение всего круга вопросов, относящихся к ранней истории теории демографического перехода. Мы немного остановимся лишь на последнем из названных авторов, потому что он – единственный из них, кто довольно широко известен российским демографам и именно как один из ранних представителей теории.

Как указывает Шретер, он узнал о вкладе Леона Рабиновича, автора вышедшей в 1929 г. в Париже книги «Проблема населения во Франции, предваряемая общей историей населения. Очерк социологии населения» [Rabinowicz 1929], из статьи чехословацкой исследовательницы Алены Шубртовой [Subrtova 1984], на которую его внимание обратил Ж. Буржуа-Пиша [Szreter 1993: 694]. Однако значительно раньше статья А. Шубртовой попала в поле зрения российского демографа В.А. Борисова, который опубликовал на ее основе свою работу под названием «Еще одна дата возникновения теории демографической революции» [Борисов 1986].

В самом деле, одна из глав книги Л. Рабиновича называется «Демографическая революция», а так как эта книга появилась раньше публикаций Ландри, в которых использовалось это выражение, то и А. Шубртова, и В. Борисов видели в этом основание (по нашему мнению, недостаточное) считать ее автора одним из первопроходцев теории демографического перехода.

Судя по публикациям Шубртовой, Борисова и даже Шретера, обращаясь к книге Леона Рабиновича, они мало что знали о самом авторе, выходеце из Польши, издавшем книгу в Париже в возрасте 28 лет, и считали его следы утерянными. В конце 1986 г., уже после выхода статьи Борисова, один из авторов настоящей статьи встретился на конференции в Берлине с Юджином Гребеником, многолетним издателем английского журнала “Population Studies”, и спросил его, слышал ли он что-нибудь о Леоне Рабиновиче. Ответ был неожиданным: Гребеник не только слышал о нем, но знал его лично, Леон Рабинович был еще жив, он только сменил фамилию. Теперь его звали Леон Радзинович, с 1970 г. – сэр Леон Радзинович. Он сделал блестящую научную карьеру и приобрел мировое имя в области криминологии, стал основателем и первым директором Института криминологии Кембриджского университета. К демографии после выхода книги 1929 г. он больше никогда не обращался.

Когда эта информация дошла до В. Борисова, он написал письмо Л. Радзиновичу и получил от него ответ. В свою очередь, Шубртова в ответ на письмо Борисова сообщила, что она тоже уже знала о существовании Леона Радзиновича. Он был в живых еще в 1985 г. – указывала она [Переписка... 2007] (Л. Радзинович умер в 1999 г. в возрасте 93 года).

В своем ответе В. Борисову Л. Радзинович, в частности, написал: «Я продолжаю удивляться, будто я первым употребил это выражение (демографическая революция). Мне представляется вполне естественным его употребление». В этом он, пожалуй, был прав.

В. Борисов написал Л. Радзиновичу еще одно письмо, в котором он спрашивал, известна ли была его книга Адольфу Ландри. Ответа на это письмо он не получил. Но нам представляется маловероятным, чтобы Ландри не знал о вышедшей в Париже книге, посвященной проблемам населения Франции. Не исключено, что она и подсказала ему название статьи 1933 г., а затем и книги 1934 г. Однако употребление удачного выражения и формулирование плодотворной научной идеи – это не одно и то же.

Леон Рабинович (Радзинович) также был не первым автором, употребившим словосочетание «демографическая революция». Самое раннее известное нам его употребление встречается у советского (украинского) демографа Арсения Хоменко в брошюре, опубликованной в 1925 г. на украинском языке [Хоменко 1925], где, говоря об изменении коэффициентов рождаемости и смертности на Украине в ходе военных и революционных потрясений, он пишет: «в результате всего этого происходит целая демографическая революция» [Хоменко 1980: 104]. В данном случае словом «революция», тогда витавшим в воздухе, этот автор хотел просто подчеркнуть масштабность происходивших перемен, но не претендовал ни на какие теоретические обобщения. Примерно так же обстояло дело и с Леоном Рабиновичем.

Трудно согласиться с А. Шубртовой, когда она пишет, что он был «первым, кто употребил термин «демографическая революция» в том понятийном смысле, в каком его использует теперь большинство демографов» [Subrtova 1984]. Большинство демографов используют его в контексте теории демографической революции или демографического перехода – как кому больше нравится, – но речь всегда идет, как говорит и сама Шубртова, цитируя Зденка Павлика, о перевороте, изменившем «количественно-качественный характер» воспроизводства населения, «что наиболее ярко проявляется в изменениях уровней рождаемости и смертности, возрастной структуры населения» [Pavlik 1981: 21]. Л. Рабинович пишет и о рождаемости, и о смертности, и об их изменениях, но «революцию» он видит не в этом. «Мы можем, не опасаясь преувеличения, сказать, – писал он, – что промышленная революция вызвала настоящую демографическую революцию. Мы рассмотрим ее с трех точек зрения: 1) общий рост населения Англии; 2) перемещение демографических центров; 3) урбанизация страны» [Rabinowicz 1929: 139]. Здесь слово «революция» употреблено, чтобы указать на важность, масштабность того, что происходило с населением, такое словоупотребление вполне оправдано, но в нем не содержится того обобщения, которое дало толчок развитию теории.

2

Сейчас мы хотим дополнить список первопроходцев теории демографического перехода еще одним блестящим именем, которое, хотя и не совсем незнакомо демографам, но никогда не упоминается в связи с этой теорией. Между тем, речь идет о человеке, который не только буквально в нескольких словах изложил смысл того, что теперь называют

«демографическим переходом», но и проницательно указал на будущий глобальный смысл этой теории, чего не сделал никто из его современников.

В научном мире хорошо знают историка Иосифа Кулишера, автора классического, не раз переиздававшегося в России¹ и переведенного на многие языки (немецкий, итальянский, японский и др.) труда «История экономического быта Западной Европы». На Западе широко известна изданная вскоре после Второй мировой войны книга его брата Евгения Кулишера «Европа в движении: война и изменения населения, 1917-1947» [Kulischer E. 1948] (кстати, именно Евгению Кулишеру принадлежит выражение «перемещенные лица» – *displaced persons* [Тольц 2015a]). Менее известно, что у Иосифа и Евгения Кулишеров был младший брат Александр, также выдающийся ученый, о котором и пойдет речь ниже.

Александр Кулишер родился в Петербурге 9 (21) февраля 1890 г.² В 1907 г. он окончил там с золотой медалью гимназию Святой Анны (Анненшуле) [Дело... 1907]. Александр, как и его братья, испытал огромное влияние их отца Михаила Игнатьевича Кулишера, являвшего собой яркий пример ученого-энциклопедиста [Тольц 2015b]. Тот был широко известен в России как этнограф, историк и социолог, причем не только среди узких специалистов. Будучи ярким публицистом, он много печатался в толстых журналах. Немало его статей было опубликовано и в немецких научных изданиях, что сделало их автора известным за пределами России.

Александр был младшим в семье Кулишеров. Как и все его братья, а до этого – их отец, он получил образование на юридическом факультете Петербургского университета, полный курс которого окончил в 1911 г. [Дело... 1907]. Характеризуя впоследствии научный путь каждого из братьев Кулишеров, современники неизменно называли их учениками известного русского социолога М.М. Ковалевского³, преподававшего в университете, где они учились. Во время учебы в университете Александр, как и Евгений, были активными участниками студенческого кружка видного правоведа и социолога Л.И. Петражицкого [Шульговский 1910]. Из этого кружка вышли такие крупнейшие русские обществоведы, как П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, Н.Д. Кондратьев и др. [Голосенко, Сербенко 1999].

Окончив университет, Александр два года стажировался в Оксфорде под руководством известного русско-британского историка и правоведа П.Г. Виноградова. После этого «он вернулся в Россию с заслуженной репутацией лучшего знатока английского конституционного права» [Гурвич 1942: 374]. Сотрудничество Александра со своим оксфордским наставником продолжалось и после отъезда из Англии. Так, при публикации в 1915 г. одной из своих книг этот ученый отметил А.М. Кулишера среди тех, кто оказал ему помощь «при переделке английского издания в русский текст» [Виноградов

¹ Последнее переиздание – [Кулишер И. 2012].

² Уточнено по студенческому делу Александра Кулишера [Дело... 1907]. Авторы выражают глубокую благодарность А.И. Хаешу, предоставившему данные из этого источника.

³ В библиотеке этого ученого хранится отпечаток одной из статей А.М. Кулишера с такими словами: «Глубокоуважаемому Максиму Максимовичу Ковалевскому от ученика, автора» [Матиева 2008: 56].

2014: 4]. Когда П.Г. Виноградов умер, Александр опубликовал обширный некролог [Кулишер А. 1925].

В те годы в центре научных интересов А.М. Кулишера были государственный строй Англии и проблемы самоопределения Ирландии. Этой проблематике он посвятил две статьи: «Государственное единство Англии и гомруль» и «Ирландский гомруль и английский федерализм», которые были затем изданы вместе под общим заглавием «Автономия Ирландии» [Кулишер А. 1915].

Знания А.М. Кулишера в области конституционного права оказались востребованными после Февральской революции 1917 г., когда он принял активное участие в формировании новой концепции устройства высших органов власти страны [Временное Правительство... 1928]. Кроме того, А.М. Кулишер входил в состав Комиссии по реформе местного самоуправления [Административные реформы... 2006: 404]. Это был его звездный час как правоведа. Понятно, впрочем, что вся проделанная работа оказалась напрасной, поскольку власть в России в конце года захватили сторонники совсем другой концепции государства.

К Октябрьскому перевороту 1917 г. Александр, как и другие члены его семьи, отнесся резко отрицательно. Все Кулишеры принадлежали к конституционно-демократической партии, которая после прихода к власти большевиков была объявлена вне закона. Вскоре его брат Евгений был вынужден скрываться в Финляндии, после чего в 1918 г. уехал в Киев [«The Gazette» 1942: 22]. В декабре 1919 г. был арестован ЧК самый старший из братьев Кулишеров – Иосиф, но вскоре, впрочем, освобожден по ходатайству университета, где он работал [Виноградов 2003: 228]. За три месяца до того, в сентябре 1919 г., был арестован и Александр в числе большой группы петроградской оппозиционной интеллигенции, но также выпущен на свободу [Сорокина 2003: 357].

В следующем году Александр избежал нового ареста только благодаря бегству из Петрограда, когда на квартире его уже ждала засада чекистов [Кулишер А. 1927]. Так закончилась его работа в Петроградском университете, где он был приват-доцентом. В июле Александр, как он впоследствии писал, проделал нелегкий в тогдашних условиях путь через Харьков в Киев [Kulischer A. 1921: 36], где воссоединился с братом Евгением. Оттуда начнется их небезопасный путь на Запад. Родину, где победили большевики, братья покинули в конце 1920 г.

В эмиграции А.М. Кулишер энергично возобновляет научную деятельность. Вскоре после своего приезда в Берлин, в 1921 г., он публикует там на немецком языке книгу «Сущность советского государства» [Kulischer A. 1921]⁴. Эта книга удостоилась восторженного отзыва даже такого далекого от его политических воззрений видного деятеля германской социал-демократии, как Э. Бернштейн [Bernstein 1922]. Через два года там же появилась в двух переводах книга А.М. Кулишера о молодом Б. Дизраэли [Кулишер А. 1923].

⁴ Необходимо отметить, что в публикациях Александра Кулишера на разных языках написание его фамилии давалось неодинаково: Kulischer на немецком, Koulicher на французском и Koulisher на английском.

В 1923 г. в Берлине открывается Русский научный институт. В его ученый совет, наряду с другими известными учеными-эмигрантами, входит и А.М. Кулишер [Русский Берлин 2003: 287]. Но этот институт в дальнейшем не стал местом его работы. А.М. Кулишер предпринимает настойчивые попытки найти себе место преподавателя в каком-либо университете, пусть даже и за океаном, которые, однако, кончаются неудачей. Э. Росс, известный американский социолог, активно занимавшийся судьбой русских ученых-изгнанников (он, в частности, проложил дорогу в США П.А. Сорокину), рекомендовал А.М. Кулишера восемнадцати американским университетам [Дойков 2009: 124]. Но закончились все его хлопоты безрезультатно, не помогло даже хорошее знание английского языка. Скорее всего, дело было в его происхождении: «евреи не допускались на многие преподавательские должности в американских университетах в 1920-е и последующие годы» [Rabkin 2015: 68]⁵.

В том же 1923 г. А.М. Кулишер переезжает в Париж и начинает работать в наиболее авторитетной газете русской эмиграции – «Последние новости», руководимой известным историком, бывшим министром Временного правительства П.Н. Милюковым. В этой газете до самого ее закрытия в 1940 г. он был одним из ведущих публицистов (некоторые материалы он подписывал псевдонимами Юниус и М. Александров, другие шли и вовсе без подписи как передовые статьи). Роль Александра Кулишера в газете была столь заметна, что оппоненты называли ее «органом Милюкова-Кулишера» (см., например, [«Возрождение» 1936: 2]). Так пригодились унаследованные от отца способности, ведь тот в 1880-1886 гг. руководил в Киеве изданием одной из лучших русских провинциальных газет [Тольц 2015b].

Во французской столице А.М. Кулишер читал лекции на русском отделении юридического факультета Сорбонны и во Франко-русском институте социальных и политических наук, а также во многих других учебных заведениях и общественных организациях. Однако в своих публикациях на иностранных языках он неизменно указывал былую принадлежность к Петроградскому университету. А.М. Кулишер избирался членом правления Русского академического союза в Париже [Серков 2001: 443-444]. При этом он еще и увлеченно участвовал в различных политических начинаниях как общерусской эмиграции, так и ее еврейской части.

Отец Александра Кулишера более сорока лет работал над проблемами миграции и оставил неоконченной рукопись на немецком языке, которая имела название «Войны и переселения» [Тольц 2015b]. Оказавшись в эмиграции, его младший сын не забыл о наследии покойного отца. В 1924 г. во французском журнале появляется статья А.М. Кулишера «Теория движения народов и гражданская война в России» [Кулишер А. 2014], где излагается миграционная концепция М.И. Кулишера в том виде, как она была сформулирована в его неоконченной рукописи, и на ее основе автором дается оригинальная трактовка послереволюционных событий в России.

⁵ Только незадолго до своей гибели Александр Кулишер все-таки получил место, которым не смог воспользоваться, в одном из американских университетов – Новой школе социальных наук, но это произошло слишком поздно, чтобы изменить его судьбу [Гурвич 1942].

Постепенно Александр Кулишер стал уделять миграционной тематике и проблемам населения все большее внимание, выступать с лекциями, посвященными этим вопросам. На первой Всемирной конференции по народонаселению (Женева, 1927), где он указан как представитель России (а один раз – как представитель СССР), А.М. Кулишер выступает с докладом «Некоторые аспекты проблемы миграции» [Koulisher A. 1927b] и активно участвует в прениях по миграционной тематике. Интересно, что его высказывания 1927 г. не утратили актуальности и сейчас и не без оснований продолжают привлекать внимание специалистов (см., например, [Bashford 2007]).

Видимо, примерно в это время начинается тесное сотрудничество в области миграционных исследований Александра и Евгения Кулишеров. Первым свидетельством такого сотрудничества стало их совместное участие в VI Международном конгрессе исторических наук (Осло, 1928), где из-за возражений советской делегации Александру Кулишеру, как и другим русским ученым-эмигрантам, уже не было разрешено представлять свою страну, чего они очень желали [Бочарова 1998: 97]. Каждый из братьев выступил там с докладом [Koulicher A. 1928; Kulischer E. 1928].

В 1932 г. выходит книга братьев на немецком языке «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» [Kulischer A., Kulischer E. 1932]. В ней впервые полностью представлена теория миграций Кулишеров, а история массовых передвижений в Евразии рассмотрена с VII до начала XX века. Эта книга вызвала многочисленные отклики современников (см., например, [Милуков 2015]). Впоследствии ее материалы были широко использованы многими исследователями, в том числе Ф. Броделем в его классическом труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». Братьев он представил там читателю следующим образом: «Два великолепных историка» [Бродель 2006: 65].

Для нашей темы важно, что именно в этой книге впервые сформулирована мысль, которую иначе как исчерпывающим и в то же время весьма лаконичным изложением идеи демографического перехода не назовешь. К этому вопросу мы еще вернемся, но вначале закончим наш краткий биографический очерк.

Александр Кулишер не потерял интереса к своей изначальной специальности (правоведению) и в первой половине 1930-х годов опубликовал три статьи на французском языке в престижных юридических изданиях: «Четыре конституции Англии» [Koulicher A. 1932], «Множественность источников в конституционном праве» [Koulicher A. 1934a] и «Английская демократия и право роспуска» [Koulicher A. 1935]. Современники оценивали работы из этого цикла очень высоко: «замечательное исследование» [Гессен 2011: 96], «этуод совершенно исключительный по блеску» [Гурвич 1942: 374], «блестящее исследование» [Dahl 1936: 166].

Но все же эти публикации, обратившие на себя внимание правоведов, были, скорее, данью прошлому. Хорошо знавший А.М. Кулишера его давний друг Г.Д. Гурвич отмечал: «С годами он все более увлекался социологией. Проблемы демографии и миграции народов специально увлекали его» [1942: 374].

В 1937 г. братья начинают работу над новой книгой, посвященной миграциям в Европе во время Первой мировой войны и в последующий период. Эта книга должна была

стать продолжением, вторым томом их совместного труда, опубликованного на немецком языке. С одним из ранних вариантов ее рукописи были ознакомлены составители обзора о положении беженцев в Европе, которые использовали содержащиеся там материалы в своем фундаментальном отчете [Simpson 1939: 64]. Как писал хорошо осведомленный и авторитетный свидетель, братья успели завершить эту книгу: «Второй том на французском языке, предсказавший войну, был подготовлен к печати. Занятие Парижа помешало его появлению» [Гурвич 1942: 375]⁶.

Братья решают бежать из поверженной Франции. Однако осенью 1941 г. Александр Кулишер был арестован петеновскими властями при переходе в «Свободную зону». Он погиб в феврале 1942 г.⁷ в вишистском концлагере Ной при обстоятельствах, не установленных до настоящего времени [Тольц 2014].

3

Вернемся к книге Александра и Евгения Кулишеров и процитируем интересующее нас место.

«Процесс «модернизации» развития населения, который наблюдается в разных странах в разное время, может идти разными темпами, но все же в общих чертах всегда одинаков, и, очевидно, обязательно связан с проникновением современной культуры в какую-либо страну. Он включает в себя *уменьшение как смертности, так и рождаемости, причем, однако, первая в течение какого-то времени снижается больше, чем вторая*, в результате чего наступает период избыточного прироста рождений, быстрого накопления массы населения и явного и заметного для всех «перенаселения». Новейший опыт наиболее развитых в культурном отношении стран Запада, как представляется, указывает на то, что всё большее падение рождаемости в конце концов догонит снижение смертности и что всё это развитие кончится стационарным состоянием с низким значением обоих коэффициентов. Этот процесс можно объяснить тем, что снижение как смертности, так и рождаемости связано с одной и той же причиной, назовем ли мы ее повышением благосостояния или просвещением, что сказывается и на медицине и гигиене, и на новой «сексуальной морали». Можно предположить также существование взаимосвязи между падением смертности и уменьшением рождаемости, если учитывать, что уменьшение уровня

⁶ Как уже было отмечено, Е.М. Кулишер опубликовал в США книгу «Европа в движении: война и изменения населения, 1917-1947» [Kulischer E. 1948]. Первая, самая большая по объему, ее часть подробно описывает миграционные процессы в этой части света до начала Второй мировой войны. Несомненно, что основой для нее явилась неопубликованная рукопись братьев на французском языке. Вклад Александра Кулишера в эту часть книги становится еще яснее, если принять во внимание свидетельство хорошо информированного эксперта о том, что многие материалы по России и СССР, использованные в ней, просто отсутствовали в США [Gordon 1949]. Поэтому роль младшего брата в создании этой книги, видимо, до сих пор недооценена специалистами.

⁷ В имеющихся источниках приводятся две близкие даты: 6 и 13 февраля 1942 г.

смертности вызывает прогресс в развитии населения, у которого либо всё быстрее расширяется возможность пропитания, либо уровень жизни (*standard of life*) удерживается путем ориентации на небольшую семью. В любом случае, массовые миграции действуют как корректирующее средство в период слишком высокой рождаемости; они снижают перенаселенность, благодаря чему возможно сохранение достигнутых показателей смертности и *переход от старого приспособления населения к условиям существования – через «бойню смертности» – к новому приспособлению через «ответственное отношение к деторождению»* [Kulischer A., Kulischer E. 1932: 139-140].⁸

Хотя у книги, из которой взята эта цитата, два автора, сформулированные в ней положения, несомненно, принадлежат Александру Кулишеру. Это подтверждается еще двумя его забытыми публикациями на французском языке, которые приводятся в приложении к этой статье на языке оригинала и в русском переводе.

Одна из них – тезисы доклада на VII Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся в Варшаве в 1933 г. В этих коротеньких тезисах дано предельно четкое описание этапов демографического перехода, как будто заимствованное из современной энциклопедии.

«На первом этапе население растет все быстрее и быстрее, благодаря длительному снижению смертности. Рождаемость также начинает снижаться, но с некоторым отставанием, и ее снижение идет вначале более медленно, так что избыток рождений все время увеличивается, и страна переживает настоящее «переполнение». Со временем рост [населения] все заметнее тормозится в результате снижения рождаемости, которое нагоняет снижение смертности, хотя смертность также продолжает снижаться. Относительный

⁸ Перевод Л.Э. Найдич. На языке оригинала приведенная цитата читается следующим образом: «Der Prozess der «Modernisierung» einer Bevölkerungsentwicklung, der in verschiedenen Ländern zu verschiedenen Zeiten einsetzt und sich in einem verschiedenen Tempo abspielt, aber dennoch überall in den Hauptzügen derselbe bleibt und mit dem Eindringen der modernen Kultur in ein Land notwendig verbunden zu sein scheint, besteht in einem *Rückgang sowohl der Mortalität als auch der Natalität, wobei aber in der Regel die erstere eine Zeitlang schneller sinkt als die letztere*, wodurch eine Periode steigender Geburtenüberschüsse, eines raschen Anhäufens von Bevölkerungsmassen und einer sichtbaren und allgemein empfundenen “Übervölkerung” entsteht. Die jüngste Erfahrung der kulturell führenden Völker des Abendlandes scheint darauf hinzudeuten, dass am Ende das Sinken der Sterblichkeit doch von einem immer schnelleren Geburtenrückgang eingeholt wird und dass der Abschluss der ganzen Entwicklung in einem stationären Zustand auf der Basis eines niedrigen Niveaus der beiden Faktoren bestehen muss. Man kann diesen Prozess dadurch erklären, dass man den Rückgang sowohl der Mortalität als auch der Natalität auf dieselbe Ursache zurückführt - sei es die Hebung des Wohlstandes, sei es die Aufklärung, die sich dort in Medizin und Hygiene, hier in der “neuen Sexualmoral” auswirkt. Man kann auch einen ursächlichen Zusammenhang zwischen dem Sinken der Sterblichkeit und dem Geburtenrückgang annehmen, wenn man berücksichtigt, dass eine Verminderung der Sterblichkeitsrate eine stark progressive Bevölkerungsentwicklung herbeiführt, bei der entweder der Nahrungsspielraum immer schneller ausgeweitet werden oder eine Tendenz zur Sicherung des *standard of life* durch Kleinhaltung der Familien einsetzen muss. Jedenfalls sind es aber die Großen Wanderbewegungen, die in der Periode der steigenden Geburtenüberschüsse als ein Korrektiv wirken, die Übervölkerung lindern, wodurch erst die Beibehaltung der erreichten Besserung in der Sterblichkeitsrate ermöglicht und der Übergang *von der alten Anpassung der Bevölkerung an den Nahrungsspielraum durch “Schlachthaussterblichkeit” zur neuen Anpassung durch “verantwortungsbewusste Zeugung” überbrückt wird*».

прирост сокращается, хотя абсолютные числа продолжают расти. В конце концов, ошеломляющее снижение рождаемости ведет к исчезновению избытка рождений и даже предвещает сокращение населения» [Kulischer A. 1933]⁹.

К этому надо добавить ясное понимание автором универсальности процесса и вектора его распространения в Европе – с запада на восток. Интерпретация французского варианта демографического развития в XIX веке как особого случая, но тоже вписывающегося в общую схему развития, сейчас общепризнанная, в начале 1930-х годов была далеко не так очевидна.

Но наиболее интересна еще одна публикация А.М. Кулишера – его рецензия на «Демографическую революцию» Адольфа Ландри [Landry 1934], появившаяся в том же году, когда вышла эта книга [Koulicher A. 1934b]. Эта весьма положительная и благожелательная рецензия содержит в то же время и немаловажные критические замечания, которые говорят о том, что у рецензента существует своя выношенная позиция, позволяющая ему говорить с автором книги на равных.

Отметив, что научный уровень книги «намного превосходит почти все, что было написано представителями наталистской школы», А.М. Кулишер сразу же дистанцируется от «натализма» как от «предубеждения». При этом его положительная оценка книги основана на том, что ее автор, *вопреки* предубеждению, представляет факты, способные это предубеждение разрушить.

Хотя Ландри обеспокоен падением рождаемости, которое, как ему представляется, ведет к депопуляции, он, замечает А.М. Кулишер, «без оглядок» описывает прежний, «примитивный» режим, при котором «соответствие численности населения его экономическим ресурсам обеспечивается смертностью – в том числе в результате всеобщего голода и эпидемий». Пути назад нет, и дальнейшие рассуждения автора рецензии в каком-то смысле предвосхищают дожившие до наших дней споры демографов о способности демографической революции (демографического перехода) привести к устойчивому воспроизводству населения и избежать депопуляции в условиях неограниченной свободы прокреативного выбора.

Важно не то, как он отвечает на этот вопрос (на который и сейчас нет общепризнанного ответа), а то, как он его ставит. Александр Кулишер рассматривает демографическую революцию как самозавершающийся процесс, в результате которого восстанавливается нарушенное «революцией» равновесие рождаемости и смертности, «стационарное состояние». У него, конечно, тоже нет убедительных аргументов в пользу того, что рождаемость не может упасть ниже точки равновесия, но его этот вопрос и не очень волнует. А.М. Кулишер обращает внимание на то, что пока демографы тревожатся о будущем рождаемости, мир пользуется «барышами» снижения смертности, которое обгоняет снижение рождаемости, в результате чего число людей на Земле за XIX век очень

⁹ К сожалению, эта публикация Александра Кулишера оказалась почти незамеченной. Нам известно только одно ее упоминание при рассмотрении истории изучения демографических циклов: [Kula 1950: 479].

сильно выросло (хотя, видимо, все же не удвоилось, как он полагал согласно тогдашним представлениям).

А.М. Кулишер считает демографическую революцию, о которой говорит Ландри, универсальной – с такой же определенностью, какая прозвучала, например, в отношении демографического перехода у Дадли Кирка, но десять лет спустя [Kirk 1944: 29]. Понимание Александром Кулишером происходивших демографических перемен как универсальных наверняка шло от его отца. Михаил Кулишер еще в своей книге «Очерки сравнительной этнографии и культуры» подчеркивал, что «общая схема движения одна и та же для всех народов» [Кулишер М. 1887: X]. Это положение, впервые высказанное им на страницах русской прессы в конце 1870-х годов, встретило тогда, по свидетельству современника, достаточно ожесточенные возражения со стороны адептов национальной «самобытности» [Венгеров 1919: 120].

Любопытно и несколько неожиданно, что, сравнивая французскую и английскую траектории развития (последней следовали и другие европейские страны), Александр Кулишер не только подчеркивает, что это не два разных пути, а два разных варианта (*il ne s'agit pas de deux stages, mais de deux variantes*) демографической революции, но и отдает предпочтение французскому варианту. Он видит достоинства этого варианта в синхронности снижения смертности и рождаемости и усматривает большую опасность в отставании снижения рождаемости от снижения смертности, чего во Франции не было¹⁰. Вообще поистине поразительно, что в интеллектуальном климате тогдашней Европы, пронизанном страхом перед депопуляцией и благопритествовавшим политикам, играющим на этом страхе, он с такой прозорливой ясностью утверждал, что «опасность неудержимой экспансии избыточного населения, которое продолжает нарастать, <...> сейчас более существенна, нежели опасность сокращения в отдаленной перспективе рода человеческого в результате снижения рождаемости» [Kulischer A. 1934b: 258].

При внимательном чтении чисто научного по замыслу текста рецензии в нем нельзя не увидеть и стремления осмыслить не только новые демографические реальности, но и порождаемые ими политические заблуждения и политические спекуляции того времени, совмещение, казалось бы, несовместимого: боязни депопуляции и одновременно перенаселения. И «до такой степени, – пишет он, – что сегодня мы видим, как в некоторых странах Европы власти, интеллектуалы и «национальные» демократы взвалили на себя двойной труд: убедить народ в абсолютной необходимости искать выход для населения, которое все больше и больше «задыхается» в своих границах... за счет «состарившихся» народов или «низших» рас..., и в то же время вести и проповедовать безудержную «пронаталистскую» политику и пропаганду под влиянием безумного страха, как бы «опустошения», приносимые «демографической революцией», не ликвидировали в скором времени <...> как средства, так и основания для проведения экспансионистской политики» [Kulischer A. 1934b: 259]. Напомним, что идея решения проблем быстро растущего населения за счет расширения «жизненного пространства» была четко сформулирована в

¹⁰ Французская демографическая традиция всегда видела те же самые различия противоположным образом, трактовала сравнение французского и английского вариантов не в пользу Франции (см., напр., [Sauvy 1963: 78-79]).

«Майн Кампф», и Гитлер в это время уже был у власти. При этом в той же «Майн Кампф» ясно выражено отрицательное отношение к ограничению числа рождений. Все это А.М. Кулишер, конечно, хорошо знал, ведь он возглавлял политический отдел «Последних новостей».

Актуального контекста 1930-х годов давно уже не существует, но актуальность предупреждения об «опасности неудержимой экспансии избыточного населения», превратившейся в глобальный демографический взрыв, не только не исчезла, но приобрела намного большую остроту десятилетия спустя после гибели Александра Кулишера.

Заслуживает отдельного упоминания и еще одна особенность рассмотрения всей проблематики демографического перехода Александром Кулишером.

Выше уже приводились не совсем обычные для размышлений, сосредоточенных на демографическом переходе, слова из книги 1932 г. о том, что «массовые миграции действуют как корректирующее средство в период слишком высокой рождаемости». Плохо понимаемое снижение рождаемости в XX веке произвело огромное пугающее впечатление на все европейское общество, с этим был связан и повышенный интерес демографической науки к проблемам рождаемости, миграция же как предмет научного интереса отошла на второй план. Как справедливо писал Дэвид Коулмен, «в современной демографии на миграцию до недавнего времени смотрели как на «младшую сестру» (weak sister)» [Coleman 2006a: 19]. Контент-анализ содержания четырех ведущих европейских демографических журналов за 1997-1999 гг. показал, что миграция как предмет исследования встречалась существенно реже, чем рождаемость и смертность и «в отличие от рождаемости и смертности, рассмотрение миграции как фактора (переменной), от которого зависит численность населения, носит маргинальный характер» [Hoffmann-Novotny 2000: 77-78]. Но затем положение стало быстро меняться, миграция стала привлекать к себе все большее внимание. Коулмену с его концепцией «третьего демографического перехода» [Coleman 2006b] принадлежит заслуга относительно недавнего включения миграционной проблематики в круг центральных проблем, рассматриваемых теорией демографического перехода, и то несколько односторонне, потому что он видит «третий демографический переход» только со стороны стран, принимающих мигрантов.

Между тем Александр Кулишер, напротив, изначально видел демографический переход глазами миграциолога, к тому же находившегося под сильным влиянием своего отца, разрабатывавшего теорию миграции как универсальной составной части общей демографической динамики [Кулишер А. 2014].

В рецензии на книгу Ландри Александр Кулишер напоминает о роли, которую играла эмиграция в XIX веке во всех европейских странах (за исключением Франции), где «ограничение рождаемости затрагивало вначале только города, наводнявшиеся выходцами из деревни, жившей еще по «законам природы» и избегавшей последствий «примитивного режима» только благодаря этой миграции, а также эмиграции за океан» [Kulischer A. 1934b: 258].

Но эта тема затрагивалась им и ранее – и более обстоятельно. В своем первом же выступлении на Всемирном демографическом конгрессе 1927 г. Александр Кулишер

сказал: «Рассматривают изолированную страну и говорят: в ней такая-то рождаемость, такой-то рост населения, такие-то природные и созданные ресурсы. Но если хотя бы на минуту задуматься, сразу станет ясно, что проблемы изолированного населения не существует. В действительности весь ареал, внутри которого возможны миграции, представляет собой единое целое» [Koulisher A. 1927a: 102].

Свой основной доклад на Конгрессе 1927 г. Александр Кулишер начинает со слов (перекликающихся с заявлениями Д. Коулмена начала XXI века) о том, что значение миграций недооценивается в демографической теории [Koulisher A. 1927b: 305]. Показав на ряде исторических примеров важнейшую роль миграции как компонента демографической динамики (и подчеркивая всякий раз далеко не мирный характер крупных миграций, в чем тоже есть перекличка с Коулменом [Coleman 2006b: 419]), он приходит намного раньше к выводу, который кажется сформулированным сегодня:

«Так как период исключительно быстрого роста продовольственных ресурсов и «открытых дверей» для миграций, видимо, закончился, контроль над рождаемостью, если он распространится повсеместно, может стать альтернативой возвращения к прежним условиям. Но придется ждать долгое время, прежде чем все придут к такому решению. А тем временем более богатые страны, которые одновременно являются и странами с резко падающей рождаемостью, если они отказываются принимать избыточное население из более бедных стран, должны будут помочь потенциальным эмигрантам найти средства существования у себя дома» [Koulisher A. 1927b: 309].

Подводя итог, можно сказать, что у Александра Кулишера уже в конце 1920-х-начале 1930-х годов существовало – и было неоднократно им высказано – ясное и во многом опережающее свое время представление о совокупности демографических перемен, объединяемых сейчас понятием «демографическая революция» или «демографический переход». Эти универсальные, неизбежные для всех стран перемены в его понимании затрагивали все три главных демографических процесса (смертность, рождаемость и миграцию) и предопределяли характер их взаимодействия: снижение рождаемости – следствие снижения смертности; отставание первого от второго приводит к избыточному росту населения, который до известной степени может сдерживаться с помощью миграции.

Важно и то, что у Александра Кулишера присутствует не только общая схема демографических перемен, но и сознание их проблемности – чего стоит только понимание невозможности повсюду быстро снизить рождаемость и в то же время невозможности справиться с избытком населения в бедных странах с помощью механизма миграции.

И в то же время его взгляд на демографическую революцию более оптимистичен, чем у Ландри. Он не разделяет его опасений по поводу опустошений, которыми якобы грозит демографическая революция, с некоторой иронией упоминает мысль Ландри о том, что Римская империя рухнула из-за снижения рождаемости, и призывает «отбросить солидарные интересы “популяционистов” всех стран и встать в этом вопросе на такую общечеловеческую позицию..., которая... заставляет горячо желать как можно более скорой победы “демографической революции”» [Koulisher A. 1934b: 259].

ЛИТЕРАТУРА

- Административные реформы в России: история и современность (2006) / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН.
- Борисов В.А. (1986). Еще одна дата возникновения теории демографической революции // Социологические исследования. № 3: 209-213. См. также: Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. М.: NOTA VENE, 2007: 490-497.
- Бочарова З.С. (1998). Современная историография российского зарубежья 1920-1930-х годов // Отечественная история. №1: 91-102.
- Бродель Ф. (2006). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. 2-е изд. Т. 1. М.: Весь мир.
- Венгеров С.А. (1919). На Венском литературном конгрессе 1881 года // С.А. Венгеров Собрание сочинений. [В 5 т.]. Изд. 2-е. Т. 4. Пг.: Светоч: 103-150.
- Виноградов П.Г. (2014). Очерки по теории права. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД.
- Виноградов С.М. (2003). И.М. Кулишер как историк-экономист // Русская наука в биографических очерках / Под ред. Э.И. Колчинского, И.П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин: 221-234.
- Временное Правительство и Учредительное Собрание (1928) // Красный Архив. №3: 107-141.
- «Возрождение» (Париж) (1936). 4 апреля.
- Гессен С.И. (2011). Современная демократия // Кантовский сборник. №3: 93-97.
- Голосенко И.А., Н.И. Сербенко (1999). Петражицкий Лев Иосифович // Социологи России и СНГ XIX-XX вв. Библиографический справочник / Редкол.: Ж.Т. Тощенко и др. М: Эдиториал УРСС: 232-233.
- Гурвич Г.Д. (1942). Памяти профессора А.М. Кулишера // Новый журнал. №2: 374-375.
- Дело Императорского СПб. Университета о студенте Александре Михайловиче Кулишере (1907) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 50969.
- Дойков Ю.В. (2009). Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. Архангельск. URL: <http://doykov.com/tag/pitirim-sorokin/> (дата обращения: 25.11.2015).
- Кулишер А.М. (1915). Автономия Ирландии: Отдельный оттиск из журнала «Юридический Вестник» 1914 г., кн. VI(II) и 1915 г., кн. IX(I). Москва: Типография Г. Лиснера и Д. Совко.
- (1923). Лорд Биконсфильд, 1804-1832. Берлин: Римон (опубл. отдельными изданиями на иврите и на идиш).
- (1925). П.Г. Виноградов // «Последние новости» (Париж). 1925. 22 декабря: 2.
- (1927). Постоянное // «Последние новости» (Париж). 1927. 6 ноября: 3.
- (2014). Теория движения народов и гражданская война в России (перевод с французского) / Предисловие и комментарии М. Тольца // Демографическое обозрение. №3: 158-173. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--3/143751896.html> (дата обращения: 25.11.2015).

- Кулишер И.М. (2012). История экономического быта Западной Европы. 10-е изд. Челябинск: Социум.
- Кулишер М.И. (1887). Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб.: Типография И.Н. Скороходова.
- Матиева А.Х. (2008). Библиотека М.М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (Окончание) // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. №1: 50-59.
- Милюков П. (2015). Новое объяснение хода всемирной истории / Предисловие, подготовка текста и комментарии М. Тольца // Демографическое обозрение. №2: 106–120. URL: <http://demreview.hse.ru/2015--2/167985104.html> (дата обращения: 25.11.2015).
- Переписка В.А. Борисова с Леоном Рабиновичем-Радзиновичем и А. Шубртовой (2007) // Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. М. 2007, NOTA BENE: 498-502.
- Русский Берлин (2003) / Сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Серков А.И. (2001). Русское масонство. 1731-2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН.
- Сорокина М.Ю. (2003). Круги жизни Николая Мартиновича – ученого, дипломата, эмигранта // Репрессированные этнографы: Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Вост. лит.: 347-374.
- Тольц М. (2014). Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп Weekly. №603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (дата обращения: 25.01.2016).
- (2015a). Автор термина «перемещенные лица»: Евгений Михайлович Кулишер (1881-1956) // Демоскоп Weekly. № 655-656. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/nauka05.php> (дата обращения: 25.11.2015).
- (2015b). Забытый энциклопедист: Михаил Игнатьевич Кулишер (1847-1919) // Еврейская Старина. №2. URL: <http://berkovich-zametki.com/Starina0.php?srce=85> (дата обращения: 25.11.2015).
- Хоменко А. (1925) До питання про сучасний рівень загальної смертності на Україні. Харків: ЦСУ УРСР.
- (1980). К вопросу об уровне общей смертности на Украине // Хоменко А.П. Семья и воспроизводство населения (Избранные произведения) / Под ред. В.С. Стешенко. М.: Статистика: 96-119.
- Шульговский Н.Н., сост. (1910). Кружок философии права профессора Л.И. Петражицкого при СПб. университете за десять лет существования. СПб.: Право.
- Bashford A. (2007). Nation, empire, globe: the spaces of population debate in the interwar years // Comparative Studies in Society and History. 49(1): 170-201.
- Bernstein E. (1922). Sowjet-Rußland als Experiment der Geschichte // Die Glocke. 8/1(7): 180-187.
- Coleman D. (2006a) Migration as a primary force in human population processes // Caselli G., J. Vallin, G. J. Wunsch; [et al.]. Demography: analysis and synthesis. Vol. 3. Amsterdam [etc.]: Elsevier: 19-40.

- (2006b). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*. 32(3): 401–446.
- Dahl S. (1936). Den engelska parlamentarismens kärnpunkt // *Statsvetenskaplig Tidskrift för Politik, Statistik, Ekonomi*. 39(2): 166-168.
- Gordon M.K. (1949). [Рец. на] Europe on the move. War and population changes, 1917–47 by Eugene M. Kulischer // *Russian Review*. 8(1): 87–88.
- Hoffmann-Nowotny H.-J. (2000). Demography and sociology // Position of demography among other disciplines / Z. Pavlik, ed. Department of Demography and Geodemography, Charles University. Prague: 73-79.
- Kirk D. (1944). Population changes and the postwar world // *American Sociological Review*. 9(1): 28-35.
- Kula W. (1950). Histoire des institutions : Époque contemporaine // IXe Congrès international des sciences historiques : Rapports. Vol. 1. Paris : Armand Colin: 472-503.
- Kulischer A.M. (1921). Das Wesen des Sowjetstaates. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
- (Koulisher) (1927a). Contribution to discussion on optimum population and food supply // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 102-103.
- (Koulisher) (1927b). Some aspects of the migration problem // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 305-309.
- (Koulicher) (1928). Les guerres et les migrations // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo : 29-30.
- (Koulicher) (1932). Les quatre constitutions de l'Angleterre // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 2(3-4) : 480-529.
- (Koulicher) (1933). Le cycle de population dans les pays modernes // VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Vol. II. Varsovie : 354-355. (См. Приложение к этой статье)
- (Koulicher) (1934a). La multiplicité des sources, en droit constitutionnel // *Le Problème des Sources du Droit Positif. Annuaire de l'Institut international de philosophie du droit et de sociologie juridique, 1934-1935*. Paris : 209-227.
- (Koulicher) (1934b). [Рец. на] A. Landry. “La Révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population”. Paris : Libr. du Recueil Sirey. 1934, 230 p. // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 1934. 4(1-2) : 257-259 (См. Приложение к этой статье).
- (Koulicher) (1935). La Démocratie anglaise et le droit de dissolution // *L'Année politique française et étrangère*. 10(2) : 97-130.
- Kulischer E.M. (1928). Die Richtungen der Völkerbewegungen // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo : 30-33.
- (1948). Europe on the move: War and population changes, 1917-1947. New York: Columbia University Press.
- Kulischer A.M., E.M. Kulischer (1932). Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 6(11): 3-29.

- (1933). La révolution démographique // Economic essays in honour of Gustav Cassel. London : George Allen & Unwin, 1933: 357-367.
- (1934). La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population. Paris : Librairie du Recueil Sirey.
- (1982). La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population. Paris: INED.
- Pavlik Z. (1981). Zákonitosti vyvoje demografických systému // AUC Geographica. № 1: 3-31.
- Rabinowicz L. (1929). Le problème de la population en France précédé d'une histoire générale de la population. Étude de sociologie de la population. Paris: Marcel Rivière.
- Rabkin L. (2015). Anti-Semitism // Encyclopedia of the Jazz Age: from the end of World War I to the Great Crash / J. Ciment, ed. London – New York: Routledge: 67-68.
- Sauvy A. (1963). Malthus et les deux Marx. Paris: Denoël.
- Simpson J.H. (1939). The Refugee problem: report of a survey. London – New York: Oxford University Press.
- Subrtova A. (1984). Teorie demografické revoluce: prispevek ke genezi // Demografie. 36(3): 193-199.
- Szreter S. (1993). The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history // Population and Development Review. 19(4): 659-701.
- «The Gazette» (Montreal) (1942). 26 October.
- Thompson W.S. (1929). Population // American Journal of Sociology. 34(6): 959-975.

AN UNNOTICED CONTRIBUTION TO DEMOGRAPHIC TRANSITION THEORY *

On the occasion of the 125th anniversary of the birth of Alexander Kulischer

ANATOLY VISHNEVSKY, MARK TOLTS

ANATOLY G. VISHNEVSKY. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

E-MAIL: avishnevsky@hse.ru.

MARK TOLTS. HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM (ISRAEL).

E-MAIL: mark.tolts@mail.huji.ac.il.

Date received: October 2015.

Alexander Kulischer [Alexandre Koulicher] (1890-1942), a former professor at Petrograd University (St. Petersburg, Russia) who emigrated to France after the Russian Revolution of October 1917, may be considered one of the pioneers of the theory of demographic transition. However, his contribution to the development of this theory has gone almost unnoticed and underrated. This article presents an intellectual biography of Alexander Kulischer and analyzes his views on the demographic transition (demographic revolution), as he expressed them in his publications in German and in French in the early 1930s. Two of these forgotten publications written in French are republished (in the language of the original and in a Russian translation) in the appendix to the article.

Keywords: *history of demography, demographic transition, demographic revolution, fertility, mortality, migration, Alexander Kulischer [Alexandre Koulicher].*

* THE STUDY WAS PARTLY IMPLEMENTED IN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2013 - 2015.
AUTHORS ARE LISTED IN ACCORDANCE WITH THE CYRILLIC ALPHABET

REFERENCES

- Administrativnyye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost' [Administrative reforms in Russia: History and modernity] (2006) / R.N. Bayguzina, ed. M.: ROSSPEN.
- Bashford A. (2007). Nation, empire, globe: the spaces of population debate in the interwar years // *Comparative Studies in Society and History*. 49(1): 170-201.
- Bernstein E. (1922). Sowjet-Rußland als Experiment der Geschichte // *Die Glocke*. 8/1(7): 180-187.
- Bocharova Z.S. (1998). Sovremennaya istoriografiya rossiyskogo zarubezh'ya 1920-1930-kh godov [Contemporary Historiography on the Russian emigré community in the 1920s and the 1930s] // *Otechestvennaya istoriya [National history]*. №1: 91-102.
- Borisov V.A. (1986). Yeshche odna data vozniknoveniya teorii demograficheskoy revolyutsii [Another date of the emergence of the demographic revolution theory] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies]*. № 3: 209-213. See also: Borisov V.A. Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897-2007. Izbrannyye demograficheskiye trudy [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007. Selected demographic works]. M.: NOTA BENE, 2007: 490-497.
- Braudel F. (2006). Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. [Civilization and capitalism, 15th–18th centuries]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Ves' Mir.

- Coleman D. (2006a) Migration as a primary force in human population processes // Caselli G., J. Vallin, G. J. Wunsch; [et al.]. Demography: analysis and synthesis. Vol. 3. Amsterdam [etc.]: Elsevier: 19-40.
- (2006b). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // Population and Development Review. 32(3): 401–446.
- Dahl S. (1936). Den engelska parlamentarismens kärnpunkt // Statsvetenskaplig Tidskrift för Politik, Statistik, Ekonomi. 39(2): 166-168.
- Delo (1907). Imperatorskogo SPb. Universiteta o studente Aleksandre Mikhayloviche Kulishere [The records of the Imperial St. Petersburg University about student Alexander M. Kulischer] // TsGIA St. Petersburg. Fond [Collection] 14. Opis' [Inventory] 3. Delo [File] 50969.
- Doykov Yu.V. (2009). Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya [Man out of season. Biography] T. 2. Arkhangelsk. URL: <http://doykov.com/tag/pitirim-sorokin/> (accessed: 25.11.2015).
- Golosenko I.A., N.I. Serbenko (1999). Petrazhitskiy Lev Iosifovich [Petrazycki Leon I.] // Sotsiologi Rossii i SNG XIX-XX vv. Biobibliograficheskiy spravochnik [Russian and CIS Sociologists of the XIX-XX centuries. Bibliographic reference book] / Redkol. (Editorial board): Zh.T. Toshchenko et al. M: Editorial URSS: 232-233.
- Gordon M.K. (1949). [Review of] Europe on the move. War and population changes, 1917–47 by Eugene M. Kulischer // Russian Review. 8(1): 87–88.
- Gurvitch G.D. (1942). Pamyati professora A.M. Kulishera [In memory of Professor A.M. Kulisher] // Novyy zhurnal [New Journal]. №2: 374-375.
- Hessen S.I. (2011). Sovremennaya demokratiya [Modern democracy] // Kantovskiy sbornik [Kant collection]. №3: 93-97.
- Hoffmann-Nowotny H.-J. (2000). Demography and sociology // Position of demography among other disciplines / Z. Pavlik, ed. Department of Demography and Geodemography, Charles University. Prague: 73-79.
- Khomenko A. (1925). Do pitannya pro suchasniy riven' zagal'noi smertnosti na Ukraïni [To the matter on general mortality level in Ukraine]. Kharkov: TsSU URSR.
- (1980). K voprosu ob urovne obshchey smertnosti na Ukraine [To the matter on general mortality level in Ukraine] // Khomenko A.P. Sem'ya i vosproizvodstvo naseleniya (Izbrannyye proizvedeniya) [Family and population reproduction (Selected Works)] / V.S. Steshenko, ed. M.: Statistika: 96-119.
- Kirk D. (1944). Population changes and the postwar world // American Sociological Review. 9(1): 28-35.
- Kula W. (1950). Histoire des Institutions : Époque contemporaine // IXe Congrès international des sciences historiques : Rapports. Vol. 1. Paris : Armand Colin : 472-503.
- Kulischer A.M. (Kulisher, Koulicher, Koulisher) (1915). Avtonomiya Irlandii: otdel'nyy ottisk iz zhurnala [Autonomy of Ireland: offprint from the journal] «Yuridicheskiy Vestnik» 1914, VI (II) and 1915, IX (I). M.: Print shop G. Lissner and D. Sovko.
- (1921). Das Wesen des Sowjetstaates. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
- (1923). Lord Beaconsfield, 1804-1832. Berlin: Rimon (published in separate editions in Hebrew and Yiddish).

- (1925). P.G. Vinogradov // *Posledniye novosti* [Latest News]. Paris, 1925. December 22: 2.
- (1927). // *Postoyannoye* [The permanent] // *Posledniye novosti* [Latest News]. Paris, 1927. November 6: 3.
- (1927a). Contribution to discussion on optimum population and food supply // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 102-103.
- (1927b). Some aspects of the migration problem // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 305-309.
- (1928). Les guerres et les migrations // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo : 29-30.
- (1932). Les quatre constitutions de l'Angleterre // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 2(3-4) : 480-529.
- (1933). Le cycle de population dans les pays modernes // VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Vol. II. Varsovie : 354-355 (see Appendix to this article).
- (1934a). La multiplicité des sources, en droit constitutionnel // *Le Problème des Sources du Droit Positif*. Annuaire de l'Institut international de philosophie du droit et de sociologie juridique, 1934-1935. Paris : 209-227.
- (1934b). [Review of] A. Landry. "La Révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population". Paris : Libr. du Recueil Sirey. 1934, 230 p. // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 1934. 4(1-2) : 257-259 (see Appendix to this article).
- (1935). La Démocratie anglaise et le droit de dissolution // *L'Année politique française et étrangère*. 10(2): 97-130.
- (2014). *Teoriya dvizheniya narodov i grazhdanskaya voyna v Rossii* (translated from French) [The theory of the movement of peoples and the civil war in Russia. Original title: *La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie*] / Preface and comments by M. Tolts // *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. №3: 158-173. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--3/143751896.html> (accessed: 25.11.2015).
- Kulischer A.M., E.M. Kulischer (1932). *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung*. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter.
- Kulischer I.M. (2012). *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Yevropy* [A history of economic life in Western Europe]. 10th ed. Chelyabinsk: Sotsium.
- Kulischer E.M. (1928). Die Richtungen der Völkerbewegungen // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo: 30-33.
- (1948). *Europe on the move: War and population changes, 1917-1947*. New York: Columbia University Press.
- Kulischer M.I. (1887). *Ocherki sravnitel'noy etnografii i kul'tury* [Essays on comparative ethnography and culture]. St. Petersburg: Print shop I.N. Skorokhodov.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 6(11) : 3-29.
- (1933). La révolution démographique // *Economic essays in honour of Gustav Cassel*. London: George Allen & Unwin, 1933: 357-367.

- (1934). *La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population*. Paris : Librairie du Recueil Sirey.
- (1982). *La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population*. Paris: INED.
- Matiyeva A.Kh. (2008). *Biblioteka M.M. Kovalevskogo v fonde Otdela redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki MGU (Okonchaniye) [Library of M.M. Kovalevsky in the fund of the Department of rare books and manuscripts of Moscow university science library (The end)] // UNIVERSITATES. Nauka i prosveshcheniye [Science and education]. №1: 50-59.*
- Milyukov P. (2015). *Novoye ob'yasneniye khoda vseмирnoy istorii / Predisloviye, podgotovka teksta i komentarii M. Tol'tsa [New explanation of the course of World history / Introduction, preparation of the text and commentary of M. Tolts] // Demograficheskoye obozreniye (Demographic Review). №2: 106-120. URL: <http://demreview.hse.ru/2015--2/167985104.html> (accessed: 25.11.2015).*
- Pavlik Z. (1981). *Zákonitosti vyvoje demografických systému // AUC Geographica. № 1: 3-31.*
- Perepiska V.A. Borisova s Leonom Rabinovichem-Radzinovichem i A. Shubrtovoy [Correspondence of V.A. Borisov with Leon Rabinovich-Radzinovich and A. Shubrtova] (2007) // V.A. Borisov. *Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897-2007. Izbrannye demograficheskiye trudy [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007. Selected demographic works]. M.: NOTA BENE: 498-502.*
- Rabinowicz L. (1929). *Le problème de la population en France précédé d'une histoire générale de la population. Étude de sociologie de la population*. Paris: Marcel Rivière.
- Rabkin L. (2015). *Anti-Semitism // Encyclopedia of the Jazz Age: from the end of World War I to the Great Crash / J. Ciment, ed. London – New York: Routledge: 67-68.*
- Russkiy Berlin [Russian Berlin] (2003) // Sost., predisl. i personalii V.V. Sorokina. [Compilation, foreword and personalities: V.V. Sorokina]. M.: Moscow University.
- Sauvy A. (1963). *Malthus et les deux Marx*. Paris: Denoël.
- Serkov A.I. (2001). *Russkoye masonstvo. 1731-2000 [Russian Freemasonry. 1731-2000] // Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopaedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN.*
- Shul'govskiy N.N., compiler (1910). *Kruzhok filosofii prava professora L.I. Petrazhitskogo PRI spb. universitete za desyat' let sushchestvovaniya [A circle of the professor of the philosophy of law L.I. Petrazycki at St. Petersburg University for ten years of existence]. St. Petersburg: Pravo.*
- Simpson J.H. (1939). *The Refugee problem: report of a survey*. London – New York: Oxford University Press.
- Sorokina M.Yu. (2003). *Krugi zhizni Nikolaya Martinovicha - uchenogo, diplomata, emigranta [Nicholay Martinovich circles of life - scientist, diplomat, expat] // Repressirovannyye etnografy: vyp. 2 [Repressed ethnographers: issue 2] / Sost. i otv. red. [Compilation and editing] D.D. Tumarkin. Moscow: Vost. lit.: 347-374.*
- Subrtova A. (1984). *Teorie demografické revoluce: prispěvek ke genezi // Demografie. 36(3): 193-199.*
- Szreter S. (1993). *The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history // Population and Development Review. 19(4): 659-701.*
- Thompson W.S. (1929). *Population // American Journal of Sociology. 34(6): 959-975.*

- Tolts M. (2014). Vklad sem'i Kulisherov v mirovuyu migratsiologiyu [Kulisher family contribution to the world migration studies] // Demoscope Weekly. №603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (accessed: 25.11.2015).
- (2015a). Avtor termina «peremeshchennyye litsa»: Yevgeniy Mikhaylovich Kulisher [The originator of the term “displaced persons”: Eugene M. Kulischer] (1881-1956) // Demoscope Weekly. № 655-656. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/nauka05.php> (accessed: 25.11.2015).
- (2015b). Zabytyy entsiklopedist: Mikhail Ignat'yevich Kulisher [A forgotten polymath: Mikhail I. Kulischer] (1847-1919) // Yevreyskaya Starina [Jewish Antiquity]. №2. URL: <http://berkovich-zametki.com/Starina0.php?srce=85> (accessed: 25.11.2015).
- Vengerov S.A. (1919). Na venskom literaturnom kongresse 1881 goda [At the Vienna literary Congress 1881] // Vengerov S.A. Sobraniye sochineniy [Collected Works]. [V 5 t. (5 volumes)]. 2nd ed. Vol. 4. Petrogradg : Svetoch: 103-150.
- Vinogradov P.G. (2014). Ocherki po teorii prava [Essays on the theory of law]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
- Vinogradov S.M. (2003). I.M. Kulisher kak istorik-ekonomist [I.M. Kulisher as a historian and economist] // Russkaya nauka v biograficheskikh ocherkakh [Russian science in the biographical sketches] / E.I. Kolchinsky, I.P. Medvedev, eds. St. Petersburg: Dm. Bulanin: 221-234.
- Vremennoye Pravitel'stvo i Uchreditel'noye Sobraniye [Provisional Government and the Constituent Assembly] (1928) // Krasnyy Arkhiv [Red Archives]. №3: 107-141.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются оригинальные тексты на французском языке тезисов доклада А.М. Кулишера на VII Международном конгрессе исторических наук (Варшава, 1933) и рецензии А.М. Кулишера на книгу А. Ландри «Демографическая революция», обнаруженные М. Тольцем, а также переводы этих текстов на русский язык.

LE CYCLE DE POPULATION DANS LES PAYS MODERNES

Alexandre M. Koulicher

Anc. prof. de l'Université de Péetrograd, Paris

VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Vol. II. Varsovie 1933 : 354-355.

La plupart des peuples modernes traversent à différentes époques, suivant le moment où le peuple en question est entré dans la voie du «progrès moderne», un cycle typique au point de vue du développement de la population. En parlant de l'Angleterre, où ce cycle a commencé dès la seconde moitié du XVIIIe siècle, il se répète avec une régularité étonnante des stages dont il consiste, chez les autres peuples européens, généralement parlant, de l'ouest à l'est.

Ce cycle, qui, aujourd'hui, s'achève chez les peuples les plus avancés à ce point de vue, tandis qu'il est encore en plein développement chez les autres, consiste des stages suivants. En une première période, la population augmente de plus en plus rapidement grâce à une baisse prolongée de la mortalité. Une baisse de la natalité commence aussi, mais à une certaine distance et elle va, d'abord, plus lentement de sorte que l'excédent des naissances est toujours accru et il y a une véritable «inondation» du pays. Plus tard, l'augmentation est de plus en plus enrayée, par la baisse de la natalité rattrapant celle de la mortalité, bien que celle-ci continue, elle aussi, de diminuer. La proportion de l'augmentation est réduite bien que ses chiffres absolus continuent de croître. A la fin, il y a une baisse foudroyante de la natalité, qui tend à supprimer tout excédent des naissances et fait même prévoir une diminution de la population.

De ce développement normal il y a pourtant quelques exceptions. Ainsi, d'un côté, en Hollande, la baisse de la natalité n'a pas pu jusqu'ici rattraper celle de la mortalité et le développement de la population demeure progressif sans arrêt. D'autre part, en France, la baisse de la natalité a rapidement gagné sur celle de la mortalité de sorte qu'il n'y a pas eu de période d'excédents de naissances augmentés, rien qu'une diminution suivie de cet excédent, jusqu'à l'état stationnaire de la population, qui s'est établi en France avant les autres pays, mais auquel d'autres peuples arrivent également après des secousses et des tribulations beaucoup plus grandes.

Les causes de ce cycle se trouvent dans certaines relations entre le mouvement démographique et l'évolution économique des pays modernes, — en particulier, dans le processus également typique de l'exode rural et de l'urbanisation des populations.

La conclusion générale qui se dégage de l'étude de ce sujet, consiste en ceci, que les changements de la natalité, loin d'être le facteur déterminant de l'évolution, n'en sont que des conséquences, étant déterminés, d'une part, par les conditions économiques qui limitent, à tout moment donné, le nombre de la population additionnelle, susceptible d'être élevée sur le produit

du travail de la population existante, et d'autre part, dans ces limites par la mortalité, qui subit, beaucoup plus directement l'influence de l'évolution économique et intellectuelle, la restriction des naissances ne faisant que permettre le maintien d'une mortalité réduite.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ

Александр Кулишер

Большинство современных народов проходят в разное время в зависимости от момента, когда каждый из них вступает на путь «современного прогресса», один и тот же типичный с точки зрения развития населения цикл. Начиная с Англии, где этот цикл начался во второй половине XVIII века, он повторяется с удивительной регулярностью этапов, из которых он складывается, у других европейских народов, в целом распространяясь с запада на восток.

Этот цикл, который сегодня завершается у самых продвинутых в этом отношении народов, тогда как у других он еще в полном разгаре, состоит из нескольких этапов. На первом этапе население растет все быстрее и быстрее благодаря длительному снижению смертности. Рождаемость также начинает снижаться, но с некоторым отставанием, и ее снижение идет вначале более медленно, так что избыток рождений все время увеличивается и страна переживает настоящее «наводнение». Со временем рост [населения] все заметнее тормозится в результате снижения рождаемости, которое нагоняет снижение смертности, хотя смертность также продолжает снижаться. Относительный прирост сокращается, хотя абсолютные числа продолжают расти. В конце концов ошеломляющее снижение рождаемости ведет к исчезновению избытка рождений и даже предвещает сокращение населения.

Впрочем, это нормальное развитие имеет кое-какие исключения. Так, с одной стороны, в Голландии снижение рождаемости не смогло догнать снижения смертности, и рост населения не прекращается до сих пор. С другой же стороны, во Франции снижение рождаемости очень быстро обогнало снижение смертности, так что здесь не было периода повышенной избыточности рождений, а только непрерывное сокращение этого избытка вплоть до достижения состояния стационарного населения, которое установилось во Франции раньше, чем в других странах, но к которому приближаются и другие народы, проходя через гораздо большие потрясения и злоключения.

Причины такого цикла коренятся в характере отношений между демографическим развитием и экономической эволюцией современных стран, в частности в столь же типичном для них процессе исхода населения из деревни и урбанизации.

Общий вывод, к которому приводит изучение вопроса, состоит в том, что изменение рождаемости – отнюдь не главный фактор развития, это не более чем его следствие. Оно предопределено, с одной стороны, экономическими условиями, ограничивающими в каждый данный момент численность дополнительного населения, которое можно вырастить за счет продукта, производимого уже существующим населением, с другой – ограничениями смертности, которая гораздо более непосредственно испытывает влияние

экономического и интеллектуального развития, тогда как ограничение рождений лишь позволяет сохранять более низкую смертность.

CRITIQUE DU LIVRE « LA REVOLUTION DEMOGRAPHIQUE » D'ADOLPHE LANDRY

A. Koulicher (Kulischer).

Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique. 1934. 4(1-2) : 257-259

A. Landry. - La Révolution démographique (Etudes et essais sur les problèmes de la population).
Libr. du Recueil Sirey, 1934, 230 pp.

L'ouvrage de M. Landry est un recueil de plusieurs études. Le thème principal en est le fait mondial de la diminution des naissances et l'examen des moyens destinés à combattre cette révolution, tenue pour néfaste par notre auteur qui est «un populationniste».

Ouvrage d'une valeur scientifique très supérieure à la plupart des écrits de l'école nataliste. M. Landry cède bien au parti-pris, traditionnel en France depuis l'époque où la stagnation numérique de la population française par suite de la diminution des naissances était considérée comme un fait exceptionnel de décadence d'une race vieillissante condamnée à la submersion par les peuples plus jeunes et plus vigoureux. Mais ce parti-pris n'empêche pas l'auteur d'exposer avec beaucoup de vigueur les faits nouveaux qui sont venus démolir cette ancienne conception. Non seulement, en effet, la «révolution démographique» se présente aujourd'hui comme un phénomène universel, bien qu'elle fasse son apparition chez les différents peuples à des moments différents, mais il semble en outre qu'elle marche d'autant plus vite, qu'elle a commencé plus tard dans un pays donné. Aussi la situation démographique de plusieurs pays européens est-elle dès maintenant «pire» que celle de la France. Et M. Landry ne cache pas sa crainte que le monde entier puisse succomber au même destin. C'est sans ménagement pourtant qu'il décrit le «régime démographique» du bon vieux temps auquel met fin la «révolution» tant redoutée : «Là, aucune préoccupation des conséquences que peut avoir pour le bien-être des individus, des familles, la multiplication sans frein des membres de celles-ci.» L'adaptation du chiffre de la population à ses ressources économiques se fait sous ce régime par la mortalité, - y compris les grandes famines et épidémies, - lesquelles rattrapent la natalité, et «enrayent l'accroissement».

On conviendra qu'il est malaisé de préconiser le retour à ce «régime démographique primitif». C'est sans doute le motif pour lequel l'auteur cherche à définir un «régime intermédiaire». Là un certain souci de maintenir le niveau du bien-être conduirait au retardement des mariages ou au célibat de quelques-uns. Ce régime serait à distinguer du «régime contemporain», résultat du triomphe d'une conception «rationnaliste» de la vie, qui conduit à la prévention directe des naissances. Une baisse de la mortalité produit, sous le régime «intermédiaire», un accroissement de la population; ce n'est plus le cas sous le régime «contemporain».

Un exemple du «régime intermédiaire» serait fourni par l'Angleterre au XIXe siècle à une époque où le «régime contemporain» s'était déjà établi en France. En réalité, il ne s'agit pas de

deux stages, mais de deux variantes de la «révolution démographique», la variante anglaise s'étant reproduite plus tard dans les autres pays, où la «révolution» s'est accomplie. En France seulement, la restriction des naissances est apparue, dès le début, dans les villes et les campagnes à la fois. Embrassant tout le pays, la baisse des naissances a diminué progressivement le taux d'accroissement, malgré la baisse de la mortalité, jusqu'à aboutir sans secousses à l'état de population stationnaire. De là aussi la conservation des petits patrimoines et un moindre degré de prolétarisation. Partout ailleurs, la restriction des naissances n'était, d'abord, qu'un phénomène de la ville inondée par la marée, qui venait de la campagne, qui, elle, suivait encore la «loi naturelle», et n'échappait aux conséquences du «régime primitif» que par cette migration et, aussi, par l'émigration transocéanique. Dans ces conditions, la baisse de la mortalité commençait par augmenter l'excédent des naissances, celle de la natalité ne suivant qu'à distance. Puis, le déplacement rapide du centre de la population vers les villes infécondes a fait pencher brusquement la balance. De là, finalement, une baisse foudroyante de la natalité générale, d'où attente de diminution de la population à une époque prochaine.

M. Landry présente une bonne explication des méthodes employées pour calculer les tendances futures du développement d'une population. Les taux «bruts» de natalité et de mortalité sont trompeurs parce qu'ils dépendent de la distribution de la population entre les âges, cette distribution étant, elle-même, appelée à changer par suite de variations des éléments démographiques. Force est donc de remplacer le taux de la natalité par un calcul compliqué de la «reproduction» d'une génération par les femmes de la génération précédente, la mortalité entrant dans ce calcul, en tant qu'elle empêche une partie des femmes d'achever pleinement leur carrière «reproductrice». Quant à la mortalité générale (dont on «rectifie» le taux par un calcul de la durée moyenne de la vie), elle «n'est pas sans intérêt», mais les changements n'en conduisent qu'à des variations du nombre de la population, «une fois acquises». Il y a là des expressions qui prêtent à un malentendu. Ce que l'auteur veut dire, c'est que, lorsque la mortalité, après avoir subi un changement, redevient stable, la variation du nombre de la population, résultant de ce changement étant une fois accomplie, la tendance ultérieure de la population à augmenter ou à diminuer ne dépendra plus que de sa «reproductivité». Oui, mais la croissance sera plus rapide ou la diminution plus lente si la vie de chaque génération est plus longue. «L'intérêt» véritable de la mortalité réside en ceci, que *tous* les accroissements considérables de la population sur lesquels nous possédons des renseignements tant soit peu sûrs, ont été le résultat de la baisse de la mortalité qui ont fait doubler le genre humain au XIXe siècle, malgré tous les affaiblissements de la «reproductivité». A l'inverse, dans *tous* les cas, où nous connaissons avec certitude les causes de «dépopulations et de décadences», elles ont été produites par des vagues de mortalité exorbitante, sinon par la fuite des habitants; ces pertes devenaient définitives si elles coïncidaient avec la ruine des ressources économiques, double résultat caractéristique de tant de dévastations guerrières. Il y a des faits bien mieux prouvés que l'hypothèse d'une crise de naissances pour expliquer la décadence romaine.

Voilà pourquoi il y a plus d'urgence dans le danger des tentatives d'expansion violente de la part de populations surabondantes et qui continuent d'augmenter (par le fait des taux «bruts» d'excédents de naissances, lesquels en fin de compte, déterminent la situation *actuelle* à la différence de ces calculs «rectifiés» qui ne servent qu'à des pronostics douteux), — même au point de vue d'un idéal «quantitatif» de civilisation, - que dans la perspective lointaine d'une diminution du genre humain par la baisse des naissances. Reste, il est vrai, cette considération, que «du point

de vue national, on sera très généralement populationniste». À un tel degré, ajoutons-nous, que l'on voit, à l'heure actuelle, dans quelques pays d'Europe les dirigeants, les intellectuels et démographes «nationaux» attelés à une double besogne: convaincre le peuple de la nécessité absolue de chercher des issues pour une population qui «étouffe» de plus en plus en ses limites (ce qui est démontré par les chiffres «bruts» de la population et de son accroissement), se préparer à la conquête de ces issues aux dépens des peuples vieillissants ou des races «inférieures»..., et, en même temps, mener une politique et une prédication «nataliste» à outrance, sous l'empire de la crainte folle que les «ravages» de la «révolution démographique» ne suppriment bientôt (comme il est à prévoir d'après les calculs de «reproductivité») et les moyens et les motifs des entreprises expansionnistes. Dans ces conditions, ne faut-il pas rejeter l'intérêt solidaire des «populationnistes» de tous les pays, se placer à ce point de vue humain, - identique, dans l'espèce, avec l'intérêt national de la France et de tous les peuples pacifiques, - qui fait ardemment souhaiter, dans ces cas, le triomphe de la «révolution démographique» aussi rapide que possible ?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ЛАНДРИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Александр Кулишер

Книга А. Ландри представляет собой сборник нескольких исследований. Ее главная тема – факт повсеместного снижения рождаемости и поиски способов борьбы с этой революцией, которую автор, будучи «популяционистом», считает губительной.

Научный уровень книги намного превосходит почти все, что было написано представителями natalистской школы. Ландри твердо придерживается предубеждения, традиционного для Франции с тех пор, как прекращение роста численности населения из-за снижения рождаемости рассматривается как небывалый факт упадка стареющей расы, обреченной на поглощение более молодыми и сильными народами. Однако это предубеждение нисколько не мешает автору представлять с большой силой новые факты, способные полностью разрушить эту прежнюю концепцию. В самом деле, «демографическая революция» сегодня не только становится универсальным феноменом, хотя и начинается у разных народов в разное время, но к тому же, как кажется, чем позже она начинается в той или иной стране, тем быстрее она набирает силу. В результате демографическая ситуация в некоторых европейских странах сейчас «хуже», чем во Франции. И Ландри не скрывает своих опасений по поводу того, что подобная участь угрожает всему миру. Тем не менее он без оглядок описывает «демографический режим» старых добрых времен, которому и кладет конец столь устрашающая «демографическая революция»: «Тогда не существовало никакой озабоченности теми последствиями, какими неограниченное умножение числа членов семьи может угрожать благополучию отдельных людей или семей». Соответствие численности населения его экономическим ресурсам обеспечивается при этом режиме смертностью – в том числе в результате всеобщего голода и эпидемий, – которая догоняет рождаемость и «тормозит рост населения».

Согласимся, что защищать возврат к этому «примитивному демографическому режиму» не очень уместно. Наверняка по этой причине автор старается выделить «промежуточный режим». При таком режиме определенная забота о сохранении уровня благосостояния может привести к поздним бракам, а кое-кого – и к celibату. Этот режим следует отличать от «современного режима», становящегося результатом триумфа «рационалистической» концепции жизни, которая ведет к прямому предотвращению рождений. Снижение смертности при «промежуточном» режиме обеспечивает прирост населения; при «современном» режиме этого не происходит.

Примером «промежуточного режима» может служить Великобритания в XIX веке, тогда как во Франции в то время уже установился «современный» режим. Но на самом деле речь идет не о двух разных путях, а о двух вариантах «демографической революции», так как английский вариант воспроизвелся позднее и в других странах, где произошла «революция». Лишь во Франции ограничение рождаемости распространилось с самого начала сразу и в городах, и в деревне. Охватив всю страну, снижение рождаемости, несмотря на снижение смертности, постепенно сокращало коэффициент прироста населения, что в конечном счете без всяких потрясений привело к стационарному состоянию населения. Следствием этого стало сохранение мелких землевладений и меньшая степень пролетаризации. Во всех других странах ограничение рождаемости затрагивало вначале только города, наводнявшиеся выходцами из деревни, жившей еще по «законам природы» и избегавшей последствий «примитивного режима» только благодаря этой миграции, а также эмиграции за океан. В этих условиях снижение смертности вначале увеличивало избыток рождений, в то время как снижение рождаемости не поспевало за ним. Затем быстрое перемещение центра населения в бесплодные города резко изменило положение чаш весов. Отсюда, в конечном счете, – всеобщее ошеломляющее снижение рождаемости и, как можно ожидать, сокращение населения в ближайшее время.

Ландри ясно описывает использованные им методы оценки будущих тенденций динамики населения. «Грубые» коэффициенты рождаемости и смертности обманчивы, так как они зависят от соотношения различных возрастов в населении, а это соотношение само меняется в зависимости от изменений демографических процессов. Поэтому приходится заменить общий коэффициент рождаемости сложными исчислениями показателя «воспроизводства» поколения женщинами предыдущего поколения, включив в расчет смертность, так как она препятствует части женщин полностью завершить свою «репродуктивную» карьеру. Что касается общей смертности (ее показатель «очищается» благодаря исчислению средней продолжительности жизни), то она «играет свою роль», хотя ее изменения приводят лишь к колебаниям «уже достигнутой» численности населения. Но некоторые понятия можно не совсем правильно истолковать. Автор хочет сказать, что после того, как смертность, пережив определенные изменения, стабилизируется, последующие тенденции роста или сокращения населения будут зависеть только от его «репродуктивности». Да, но рост будет более быстрым или сокращение более медленным, если жизнь каждого поколения будет более долгой. Истинный «барыш» [от] смертности заключается в том, что *все* значительные приросты населения, о которых мы имеем более или менее точные данные, стали результатом снижения смертности, что и удвоило род человеческий в XIX веке, несмотря на все снижения «репродуктивности». И напротив, во

всех случаях, когда мы точно знаем причины «депопуляции и вырождения», они были обусловлены волнами небывалой смертности либо бегством жителей. Эти потери становились необратимыми, когда они совпадали с уничтожением экономических ресурсов, – типичный двойной результат военных разрушений. Можно найти множество более убедительных аргументов, чем гипотеза кризиса рождаемости, чтобы понять причины упадка Рима.

Вот почему опасность неудержимой экспансии избыточного населения, которое продолжает нарастать (вследствие чрезмерных «грубых» коэффициентов рождаемости, в конечном счете определяющих *современную* ситуацию, в отличие от «очищенных» расчетов, пригодных только для сомнительных прогнозов), даже с точки зрения «количественного» идеала цивилизации сейчас более существенна, нежели опасность сокращения в отдаленной перспективе рода человеческого в результате снижения рождаемости. Конечно, есть еще и то соображение, что «с точки зрения национальных интересов мы чаще всего будем популяционистами». И, добавим, до такой степени, что сегодня мы видим, как в некоторых странах Европы власти, интеллектуалы и «национальные» демократы взвалили на себя двойной труд: убедить народ в абсолютной необходимости искать выход для населения, которое все больше и больше «задыхается» в своих границах (что доказывается с помощью общих показателей численности населения и его роста), и подготовиться к тому, чтобы найти этот выход за счет «состарившихся» народов или «низших» рас..., и в то же время вести и проповедовать безудержную «пронаталистскую» политику и пропаганду под влиянием безумного страха, как бы «опустошения» приносимые «демографической революцией» не ликвидировали в скором времени (что легко предвидеть с помощью расчетов показателей «воспроизводства») как средства, так и основания для проведения экспансионистской политики. В этих условиях не стоит ли отбросить солидарные интересы «популяционистов» всех стран и встать в этом вопросе на такую общечеловеческую позицию (совпадающую в данном случае с национальными интересами Франции и всех миролюбивых народов), которая с учетом всех обстоятельств заставляет горячо желать как можно более скорой победы «демографической революции»?